

УДК 81-13
ББК 81в6

ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ И ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ ТЕКСТА

© Е.В. Чепкасова, 2008

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
197376, г. Санкт-Петербург, ул. Профессора Попова, 5*

Рассматриваются два способа анализа текста: герменевтический и феноменологический, выявляется сущность и специфика каждого из них.

Ключевые слова: текст, логика, лингвистика, многообразие методов, герменевтический метод, феноменологический метод, язык.

Двадцатый век называют веком информационной цивилизации, которая характеризуется возросшим информационным потоком, требующим своевременной переработки и осмысления. В связи с этим сегодня актуальны вопросы, исследующие возможности анализа текстов, предоставляющие новые средства поиска и организации знания. Все многообразие существующих методов (лингвистический, логический, системный, структурный, герменевтический, феноменологический, статистический и т. д.) лишь показывает, что нельзя создать какую-то механическую процедуру (последовательность действий), которая приводила бы к адекватному целостному пониманию текста и учитывала бы все многообразие существующих текстов: философских, научных, художественных и др. Поэтому на сегодняшний день существует большое многообразие подходов к тексту, каждый из которых берет за основу какую-то одну сторону изучаемого явления. «Бесперспективность современных абсолютизируемых, самодовлеющих, “единственных” методов познания выявляется уже в связи с их соотношением друг с другом: не может герменевтический метод заменить системный, не может исторический метод заменить логический, не может семиотический метод заменить аксиологический и т. д. Каждый Субъект должен понять ограниченность своего метода и отказаться от претензий на его Единственность и Абсолютность» [2. – С. 11].

Как известно, наибольших результатов в исследовании проблем языка и текста исторически добились логика и лингвистика, хотя их интерес до определенного времени относился к разным сторонам проблемы. Если логика акцентировала внимание на понятийной структуре языка, оставляя без внимания рассмотрение естественного

языка как недостаточно строгого и потому не являющегося идеальным орудием мышления, то лингвистика восполняла недостатки логики и анализировала реальное многообразие существующих языков. Ф. де Соссюр сыграл революционную роль в лингвистике тем, что положил начало структурному изучению естественного языка, тогда как ранее в силу изменчивости последнего это представлялось невозможным. То есть задачей структурной лингвистики стало выявление строения языков во всем многообразии типов и уровней заключенных в них структур.

Однако скоро стало очевидно, что одного научного, логико-лингвистического анализа текстов явно недостаточно. Этот анализ должен дополняться философским, потребовалось метаязыковое рассмотрение. В понимании языка философский подход задает «генеральную линию», так как занимает «методологическую позицию» по отношению к другим наукам, изучающим язык: логике и лингвистике, а также по отношению к антропологии, социологии, психологии, другим наукам.

Особенностью философского подхода является то, что, объединяя в себе логические и лингвистические принципы, он позволяет не только передать смысл текста, но и выступает как особая деятельность мышления, которая умножает смыслы, изначально в тексте не содержащиеся. «Понимание текста предполагает у читателя знание того, что стоит за ними и что в них упаковано, так как эти понятия не являются буквальными, а носят некоторый символический характер» [3. – С. 21]. Язык в философском рассмотрении перестает быть средством простой передачи необходимой информации и становится способным выделять объекты из окружающей действительности, обобщать их признаки, обогащать смыслы. Понимание текста озна-

чает не просто его чтение, а видение «сквозь» текст, восстановление и обогащение первоначальных смыслов. «Текст предстает перед нами не как реализация сообщения на каком-либо одном языке, а как сложное устройство, хранящее многообразные коды, способное трансформировать получаемые сообщения и порождать новые, как информационный генератор, обладающий чертами интеллектуальной личности. В связи с этим меняется представление об отношении потребителя и текста. Вместо формулы “потребитель дешифрует текст” возможна более точная – “потребитель общается с текстом”. Он вступает с ним в контакты. Процесс дешифровки текста чрезвычайно усложняется, теряет свой однократный и конечный характер, приближаясь к знакомым нам актам семиотического общения человека с другой автономной личностью» [3. – С. 132].

Главными способами подобного философского анализа текстов являются герменевтический и феноменологический. История появления и длительной эволюции этих идей многократно описана в научной литературе, поэтому отметим лишь, что оба подхода не представляют единого целостного явления, и остановимся лишь на тех идеях, которые имеют значение для понимания подхода к анализу текста.

Центральным методологическим принципом герменевтики является так называемый герменевтический круг. Суть его заключается в том, что для понимания целого необходимо понять его отдельные части, но и для понимания отдельных частей уже должно быть представление о смысле целого. То есть слово может быть понято только в контексте фразы, фраза – только в контексте абзаца или страницы, а последняя – лишь в контексте произведения в целом, которое, в свою очередь, невозможно без понимания его частей. «Тот, кто хочет понять текст, постоянно осуществляет набрасывание смысла. Как только в тексте начинает проясняться какой-то смысл, он делает предварительный набросок всего текста в целом. Но этот первый смысл проясняется, в свою очередь, лишь потому, что мы с самого начала читаем текст, ожидая найти в нем тот или иной определенный смысл» [1. – С. 318]. Особенностью герменевтического подхода является то, что интерпретатор текста должен не разомкнуть этот круг, не разделить текст на составные элементы, а войти в него, объединяя и обогащая смыслы вокруг себя. «Язык – дом бытия» – знаменитая фраза М. Хайдеггера, которая устраняет традиционное противопоставление мысли и языка. Если в логике и лингвистике слову отводится роль посредника, передающего какую-либо информацию о мире, и при этом мир противопоставляется познающему субъекту, а связывает их именно язык (объект – язык – субъект),

то герменевтика, утверждая тождество бытия и языка, знаменует тем самым радикальный переосмотр статуса языка.

Язык никогда не выходит за пределы герменевтического круга, так как сам образует последний. Языковая реальность и реальность бытия есть одно. Возникает представление об языке как одновременно и предмете понимания, и основы существования субъекта: человек должен понять то, внутри чего он с самого начала находится. Целью герменевтики становится показать укорененность человеческого бытия в мире языка. Язык становится не столько инструментом, обслуживающим мысль, сколько способом, которым актуализируются первоначальные смыслы текста. Окончательное понимание текста свершается только тогда, когда подключаются интуитивные неформализуемые механизмы мышления, происходит усмотрение смысла. Текст «превращается» в особое пространство, в котором фиксируются смыслы, образующие бытие. В тексте предмет начинает существовать для нас.

Исходя из вышесказанного, нельзя построить научную теорию языка, так как язык является более широкой областью и превосходит способность человека полностью понять язык. Язык – это всегда как бы избыток, который человек никогда не сможет упростить и организовать для научных целей. Языку нельзя придать никакие объективные, точные формы. Человек изначально существует в «поле» языка и поэтому не может выйти из него и посмотреть на него «со стороны». Однако, по мнению М. Хайдеггера, у этого есть свои преимущества: к языку в этом случае «идти» не нужно. Во всех других случаях (в научных теориях языка) мы можем постичь только какую-то одну сторону языка, но теряем «единящую цельность языка». При познании текста необходимо уметь вслушиваться в «бытие сущего», уметь отрешаться от навязываемой извне рациональной информации, которая ограничивает возможности языка и превращает его в орудие формального упорядочения эмпирических фактов, годное лишь к логико-знаковому исчислению мира. Тем самым язык теряет его истинное предназначение – быть «домом бытия» [4. – С. 289–290].

В дальнейшем проект герменевтики как онтологической теории языка был развит в работах Ю. Хабермаса, К. О. Апеля, П. Рикёра, Э. Бетти, Рорти, Х. Липпса и др.

Следующим способом философского анализа текстов является феноменологический. Становление и развитие современной феноменологии связаны с именами Ф. Brentano, Э. Гуссерля, А. Шютца, М. Мерло-Понти, А.Ф. Лосева, М.К. Мамардашвили, К.Р. Мегрелидзе, В.В. Молчанова, Л.Г. Ионова, В.В. Налимова, В.У. Бабушкина и др.

Объединяющей идеей для многочисленных феноменологических теорий является положение Э. Гуссерля о необходимости рассматривать познание мира человеком как деятельность субъекта со своим сознанием. В процессе познания субъект обращается не к объектам окружающего мира, а к структурам своего сознания, отражающим мир. Анализ исследователя должен быть направлен не на предметный мир, а на те акты сознания, в которых предметный мир конституируется. Таким образом, для феноменологии характерно упразднение противоречия между бытием и сознанием и анализ производится в сфере чистого сознания и имманентных, априорных структур человеческого существования. Результатом этого является освобождение сознания исследователя от натуралистических установок (резко расчленяющих объект и субъект) и достижение философской рефлексии — сознания о своих актах и о данном в них содержании, выявляет предельные характеристики, изначальные основы познания, человеческого существования и культуры.

Знаменитый гуссерлевский лозунг «Назад к самим вещам!» разрушает понимание сознания просто как образного представления предметов, когда образ восприятия предмета совпадает с самим предметом и обращается к чистому сознанию, наполненному феноменами — идеальными объектами мысли, на которые направлено сознание.

Сознание в чистом виде представляется в феноменологии как абсолютное Я, которое как бы конструирует мир, внося в него «смыслы». Все виды реальности, с которыми имеет дело человек, объясняются из актов сознания, и хотя мир существует объективно, понять и объяснить его может только человек. Таким образом, предметом феноменологии становятся акты «чистого сознания», исключающие все эмпирическое, внешнее.

Гуссерлевское *Epoche* представляет собой отвлечение от реалий окружающего мира, ибо для исследователя важна не сама реальность, а то, как она воспринимается и осмысливается человеком; позволяет провести различие между содержанием восприятия и воспринимаемым предметом, между субъективностью воспринимающего Я и объективностью самого предмета. Явление вещи не сама вещь, оно переживание. Причем феноменологический метод не учитывает само содержание переживания, а рассматривает его в той мере, в какой оно является актом восприятия. Для субъекта существует тождество между осознаваемым предметом и его переживанием. Мир смысла аккумулируется в сознании индивида, и в то же время он независим от этого сознания. Это позволяет в феноменологии анализировать сознание, избавленное от иллюзий и прагматизма, т. е. чистый акт сознания, конструировать мир с помощью интенции

(направленного сознания) и в результате такой работы сознания создавать смысл.

Таким образом, общим для феноменологии и герменевтики является проблема текста как исходной точки деятельности, именно с него начинается процедура смыслообразования. Оба метода направлены на истолкование смыслов, а не предметной данности: человек воспринимает текст через смыслы сознания, т. е. сам вносит смыслы в осознаваемые им предметы, хотя зачастую полагает, что исследует только первичное бытие вне сознания. Человек не просто трактует текст, а через текст он понимает и самого себя.

Но если для герменевтики текст имеет значение скорее как «знак» исторической эпохи, то для феноменологии как знак свершившегося мышления, след, оставивший после себя понятия и образы. Для герменевтики текст — исходная точка и цель анализа, единственная реальность, а для феноменологии текст — выражение структуры сознания, и ее основная цель — обнаружение сущностных структур сознания.

Герменевтический метод анализа направлен на фиксированные в языке значения, взятые как результат функционирования сознания, а феноменологический метод требует разделения значений и словесного выражения. Когда Гуссерль выделяет такие слои феномена, как словесный, конкретное психическое переживание, значение и смысл, феномены чистого сознания, то при этом он не интересуется двумя первыми слоями. Предмет его анализа находится за словесным слоем и психическим переживанием. Герменевтика же выделением слов не занимается и, вообще, выступает против их резкого разграничения. Словесный слой и конкретные психические переживания обретают для нее особо важное значение. И Хайдеггер, и Гадамер подчеркивают неразделимость языка и бытия-в-мире. Язык как дом бытия развивается во времени и в пространстве.

Таковы в общих чертах два философских метода анализа текстов, которые, обладая рядом общих существенных черт, остаются самостоятельными методами познания. На протяжении всей истории своего существования их идеи постоянно пересекались и влияли друг на друга. Тесная связь герменевтики и феноменологии, особенно заметная в деятельности М. Хайдеггера, была очень четко определена П. Рикёром, который определял феноменологию как предпосылку герменевтики, а герменевтику как «прививку» к феноменологии.

Список литературы

1. Гадамер, Г. Г. Истина и метод. — М. : Прогресс. — 1988. — 700 с.
2. Зеленов, Л. А. Сумма методологии. — Н. Новгород : Издатель Гладкова, 2007. — 147 с.

3. *Лотман, Ю. М.* Семиотика культуры и понятие текста // Избр. ст. Т. 1. – Таллинн, 1992. – 479 с.
4. *Подорога, В. А.* Метафизика ландшафта. – М., 1993. – 319 с.

Материал поступил в редакцию 25.12.2007 г.

Сведения об авторе: *Чепкасова Екатерина Владимировна* – кандидат философских наук, ассистент кафедры философии, тел.: (812) 268-81-40, e-mail: echepkasova@mail.ru